

DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-5-50-61

УДК 339.54(045)

JEL F02, F13, F15, F51, F52

Дезинтеграция мировой торговой системы: причины и следствия

А.В. Кузнецов

Финансовый университет, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0003-3669-0667>

АННОТАЦИЯ

В статье изложены результаты исследования проблем стагнации мировой торговли, связанные с системным кризисом ВТО. Цель статьи – обобщить основные причины дезинтеграции мировой торговой системы и определить возможные направления трансформации мирового экономического порядка. На основе статистических баз данных ВТО и неправительственной организации Global Trade Alert проанализированы меры Группы 20 по ограничению торговли. Обобщены взгляды ведущих отечественных и зарубежных специалистов на последствия либерализации международной торговли товарами и услугами. Систематизированы причины дезинтеграции мировой торговой системы, включающие антиглобалистскую политику США, направленную на сдерживание КНР, противодействие однополярной глобализации со стороны стран Юго-Восточной Азии, неприятие развитыми странами возрастающего участия развивающихся стран в перераспределении глобальных ресурсов, неэффективность международных организаций в разрешении проблем мировых дисбалансов, неравенства и неустойчивости мировой финансовой системы. Структуризация процессов дезинтеграции позволила выделить ее основные тенденции: протекционизм, регионализм, трансрегионализм. Показаны механизмы сохранения США своего присутствия в Европейском союзе через компании, оказывающие профессиональные услуги европейскому бизнесу. Дана оценка конкурентных преимуществ России и КНР в производственных цепочках нового технологического уклада. Определены направления сотрудничества России со странами группы БРИКС для реализации экспортного потенциала в сельском хозяйстве, авиационной и атомной промышленности. Обсуждаются перспективы развития торгово-экономических отношений в Евразии в контексте смены экономической парадигмы и смещения регулирования проблем, возникающих в мировой экономике, на региональный уровень.

Ключевые слова: мировая торговая система; кризис ВТО; торговые войны; протекционизм; регионализм; трансрегионализм; глобальные дисбалансы; антироссийские санкции; смена экономического порядка; наднациональные институты БРИКС

Для цитирования: Кузнецов А.В. Дезинтеграция мировой торговой системы: причины и следствия. *Финансы: теория и практика*. 2019;23(5):50-61. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-5-50-61

Disintegration of the World Trade System: Reasons and Consequences

A.V. Kuznetsov

Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-3669-0667>

ABSTRACT

The article presents the study results of the world trade stagnation issues associated with the WTO systemic crisis. The aim of the article is to summarize the main reasons for the world trade system disintegration and to identify feasible directions for the world economic order transformation. The G20 trade-restricting measures were analyzed based on the statistical databases of the WTO and the non-governmental organization Global Trade Alert (GTA). The views of leading domestic and foreign experts on the consequences of liberalization of the world trade in goods and services were summarized. The author systematized the reasons for the world trade system disintegration, including: the US anti-globalization policy aimed at containing the PRC; counteracting unipolar globalization by the Southeast Asian nations; developed countries' rejecting the growing participation

of developing countries in redistributing global resources; inefficiency of international organizations in solving problems of global imbalances, inequality and instability of the global financial system. Structuring disintegration processes revealed its main trends: protectionism, regionalism, trans-regionalism. There were shown mechanisms to keep the US in the European Union due to companies providing professional services to European business. The author evaluated Russia and China's competitive advantages in the production chains of the new technological structure. The areas of cooperation between Russia and the BRICS countries for realizing export potential in agriculture, aviation and nuclear industries were determined. The prospects for trade and economic relations in Eurasia are discussed in terms of changing the economic paradigm and shifting the regulation of the global economy problems to the regional level.

Keywords: world trading system; WTO crisis; trade wars; protectionism; regionalism; transregionalism; global imbalances; anti-Russian sanctions; change of economic order; BRICS supranational institutions

For citation: Kuznetsov A.V. Disintegration of the world trade system: Reasons and consequences. *Finance: Theory and Practice*. 2019;23(5):50-61. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-5-50-61

ВВЕДЕНИЕ

После мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. ведущие экономики мира отвергли либеральную доктрину и перешли к защите внутренних рынков от внешней конкуренции за счет проведения нетрадиционной денежно-кредитной политики и активной государственной поддержки частного бизнеса. Ответные меры, принятые со стороны развивающихся рынков, привели к росту недоверия, дестабилизации налаженных торговых связей, активизации спекулятивной активности и снижению эффективности многосторонней торговой системы. В период 2009–2019 гг. число нотифицированных региональных торговых соглашений (игнорирующих принцип недискриминации ВТО) выросло с 287 до 473¹, а число новых протекционистских мер, введенных правительством США в отношении других стран, возросло в двенадцать раз — с 140 до 1765².

Современное состояние мировой экономики характеризуется отказом ее участников от соблюдения установленных «правил игры», подъемом популизма и национализма, неприятием глобализации, открытых рынков, иммиграции, развития международного сотрудничества и выполнения ранее взятых на себя международных обязательств. Несмотря на отсутствие прямых вооруженных конфликтов между крупнейшими державами, удлинение продолжительности жизни и увеличение доходов на душу населения, «доброкачественный» мировой порядок так и не возник. По мнению президента Совета по международным отношениям Ричарда Хааса, неурегулированное положение на Ближнем Востоке и Украине, а также рост

числа потенциальных горячих точек свидетельствуют о том, что «ситуация во многих регионах мира, как и в пространстве международных отношений, больше напоминает новый мировой беспорядок» [1, с. 13].

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЦЕССОВ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ

Транснационализация, автоматизация и роботизация производства, перемещение центра экономической активности с Запада на Восток привели к значительному усилению конкурентной борьбы. С учетом данных трансформаций и для сохранения своих лидирующих позиций в мировой экономике США стали постепенно смещать свою торговую политику в сторону протекционизма и изоляционизма — вплоть до введения санкций по политическим мотивам.

Сегодня США открыто саботируют свое участие в ВТО (например, через блокирование назначения новых арбитров в апелляционный орган этой организации). Аргументируют данный демарш угрозами национальной безопасности и неэффективностью действий ВТО по защите США от несправедливой конкуренции со стороны Китая [2, с. 8].

С точки зрения лауреата премии памяти Альфреда Нобеля по экономике Джозефа Стиглица, администрация Д. Трампа недооценивает своих противников. По его словам, объявление Белым домом полномасштабной торговой войны Китаю подвергает угрозе интересы американского бизнеса, поскольку Китай имеет гораздо больший контроль над своей экономикой, чем США над американской. Когда речь заходит об ограничении импорта китайской стали или расследованиях в отношении нарушения КНР прав интеллектуальной собственности, действия США против КНР ограничены как в пространстве, так и во времени.

По иному выглядит положение американских корпораций, осуществивших крупные инвестиции в Китай. В их отношении китайское правительство

¹ WTO Regional Trade Agreement Database. URL: <http://rtais.wto.org/UI/charts.aspx> (accessed on 18.07.2019).

² The 24th Global Trade Alert Report. CEPR Press, 2019. URL: <file:///C:/Users/Alexey/Downloads/GTA24-JawJawnotWarWar.pdf> (accessed on 18.07.2019).

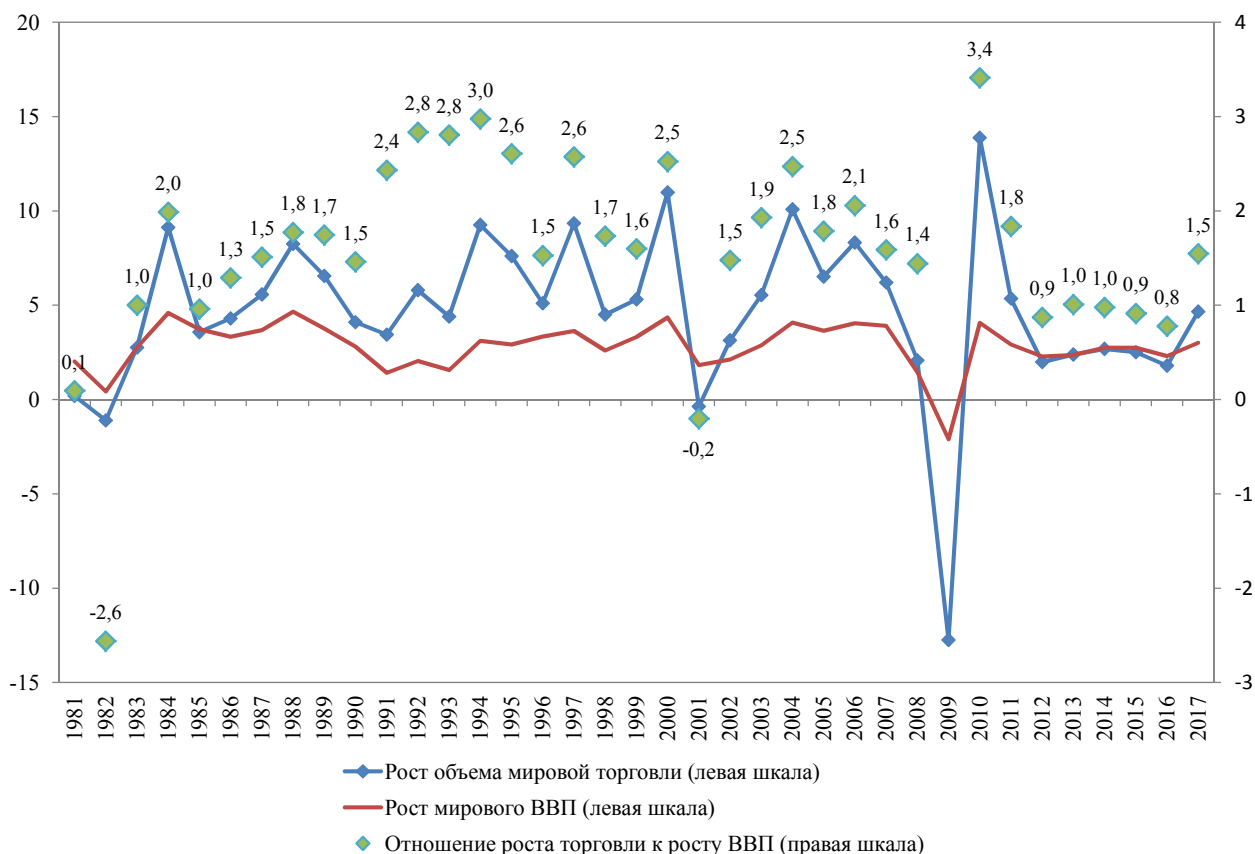

Рис. 1 / Fig. 1. Отношение роста объема мировой торговли товарами к росту мирового реального ВВП, 1981–2017 гг. (годовое процентное изменение и соотношение) / Ratio of world merchandise trade volume growth to world real GDP growth, 1981–2017 (annual percentage change and ratio)

Источник / Source: WTO. World Trade Statistical Review 2018. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2018_e/wts18_toc_e.htm (дата обращения: 18.07.2019) / WTO. World Trade Statistical Review 2018. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2018_e/wts18_toc_e.htm (accessed on 18.07.2019).

может предпринять различные действия, способные существенно усложнить жизнь этим предприятиям. Более того, американские потребители и производители пострадают, если им будет отказано в доступе к недорогим китайским продуктам или если стоимость этих продуктов увеличится. К тому же в торговой войне нерыночная экономика КНР имеет явные преимущества над рыночной экономикой США с точки зрения возможностей легального применения различных ограничительных мер [3, р. 521].

Наращение торговой напряженности, увеличение мер, ограничивающих торговлю при сохраняющейся экономической неопределенности в отношениях между США и КНР, выражаются в снижении динамики международной торговли. Если в 1990-е гг. отношение роста мировой торговли товарами к мировому ВВП было в целом выше 2-х, то в 2011–2017 гг. оно сократилось до 1 (рис. 1). Эти факторы и охлаждение общей экономической активности послужили причинами замедления темпов роста мировой торговли товарами

в 2018 г. до 3% по сравнению с 4,6% в 2017 г. По оценкам ВТО, в 2019 г. рост торговли замедлится до 2,6%³.

Отправной точкой глобальных дезинтеграционных процессов можно считать распад СССР, ставший причиной разрушения биполярной системы международных отношений. Дезинтеграция социалистической системы планового хозяйства открыла дорогу торжеству модели рыночного фундаментализма, основным проводником которой стали США. С выдвиганием США на роль единственной мировой сверхдержавы формирование однополярного мира привело к образованию трудноразрешимых асимметрий и дисбалансов в мировом экономическом развитии, вызванных главным образом всеобщей финансиализацией и виртуализацией мировой экономики.

Неудовлетворенность однополярной глобализацией стала проявляться уже в конце 1990-х гг., ког-

³ World Trade Organization. Annual Report 2019. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/anrep_e/anrep19_chap1_e.pdf (accessed on 18.07.2019).

да страны Юго-Восточной Азии начали создавать конкуренцию американским компаниям. Реакцией на этот вызов стал Азиатский финансовый кризис, спровоцированный валютными спекуляциями американских фондов-стервятников, в результате которого в одной только Азии за чертой бедности оказались 50 млн человек [4, р. 31]. Последовавшая за этим атака на Всемирный торговый центр стала неприкрытой демонстрацией ослабления мирового влияния США, неспособности эмитента ключевой резервной валюты предотвратить дестабилизирующие потоки капитала и вернуть мировую экономику в состояние равновесия.

Одновременно по мере выхода на мировую сцену все большего числа развивающихся стран недовольство глобализацией стали выражать также и развитые страны Запада, которые столкнулись с проблемами снижения уровня и качества жизни, доступа к ресурсам и роста явной и скрытой безработицы. Кульминацией отхода Запада от либерально-демократического порядка стали результаты голосования Великобритании о выходе из ЕС в июне 2016 г.

Таким образом, обратной стороной глобализации рынков стало образование мировых дисбалансов [5] и нарастание неравенства [6] — проблем, которые не в состоянии разрешить многосторонние институты, включая Группу 20 [7]. Проблема мировых дисбалансов связана с тем, что основными реципиентами капитала выступают страны — эмитенты резервных валют, у которых исчерпаны возможности для производительного размещения сбережений остального мира. Поэтому капитал используется не для инвестиций, а для потребления и спекуляций, что усугубляет проблему роста мировой внешней задолженности [8, с. 24–25].

Дезинтеграционные процессы проявляются также в организованном масштабном выводе финансовых ресурсов из-под контроля национальных фискальных систем, что ведет к развитию теневого банкинга, завышению цен на активы, замедлению темпов роста реальной экономики, углублению проблемы неравенства доходов как в развитых, так и в развивающихся странах. Несмотря на свою амбициозную повестку дня, Группе 20 так и не удалось разрешить эти проблемы, следствием чего стало образование параллельной финансовой и экономической реальности — мировой офшорной системы [9]. Именно неустойчивость международной финансовой архитектуры выступает непосредственной причиной обращения к политике деглобализации во многих странах. Таким образом, мировая экономика находится на пороге новых финансовых потрясений [10, с. 7, 8].

На фоне текущего разрушения американоцентристского порядка происходит формирование новых политических альянсов в Евразии, контуры которых

просматриваются как в создании паназиатских финансовых институтов, так и в потенциальной реализации таких политических инициатив, как «Один пояс и один путь» [11] и Большое евразийское партнерство [12].

СТРУКТУРА ПРОЦЕССОВ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ

С учетом особенностей проведения текущей внешнеэкономической политики суверенных государств возможно выделить три основные дезинтеграционные тенденции, направленные на защиту национальных интересов в условиях кризиса многосторонней торговой системы: протекционизм, регионализм и трансрегионализм.

Протекционизм. Одним из наиболее важных достижений в развитии мировой экономики на протяжении последних десятилетий принято считать резкое снижение импортных тарифов во всем мире, приписываемое успешным межправительственным переговорам в рамках ГАТТ/ВТО. Однако обратной стороной этого процесса стало широкое использование членами ВТО мер торговой политики, ограничивающих экспорт и импорт, включая требования к доле местных компонентов, льготное кредитование и другие нетарифные барьеры [13, р. 130].

Особенно явным проявлением активизации торговой политики служит резкое увеличение протекционистских мер правительствами стран Группы 20 в период после финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. В отчете ВТО по мониторингу торговых мер Группы 20, опубликованном 24 июня 2019 г., отмечается, что объем торговли, охваченный новыми мерами, ограничивающими импорт, введенными в период с октября 2018 по май 2019 г., более чем в 3,5 раза превысил средний показатель с мая 2012 г. Ограничительные меры охватили торговый оборот в размере 335,9 млрд долл., что является вторым рекордом за всю историю наблюдений (480,9 млрд долл. было зафиксировано в предыдущем полугодии). Таким образом, в период с мая 2018 по май 2019 г. был установлен наиболее резкий всплеск торговых ограничений, введенных странами Группы 20, включая антидемпинговые меры, введение компенсационных пошлин, санитарные и фитосанитарные меры и иные торговые барьеры⁴.

Следует подчеркнуть, что правительства Группы 20 начали активно вводить протекционистские меры еще до начала американо-китайских торговых войн. Фактически с ноября 2008 г. было зарегистрировано 348 случаев, когда меры торговой политики, пред-

⁴ WTO Report on G-20 Trade Measures (mid-October 2018 to mid-May 2019). URL: https://www.wto.org/english/news_e/news19_e/g20_wto_report_june19_e.pdf (accessed on 18.07.2019).

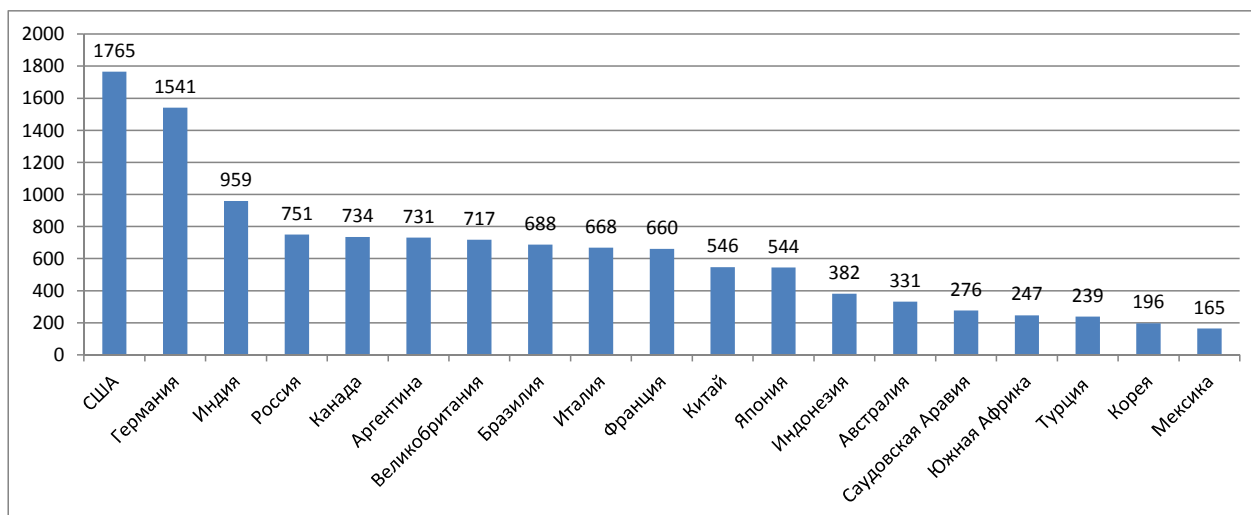

Рис. 2 / Fig. 2. Количество протекционистских мер, принятых странами Группы 20 в период с ноября 2008 по июнь 2019 г. / Number of protectionist measures taken by the G-20 countries from November 2008 to June 2019

Источник / Source: составлено по данным: The 24th Global Trade Alert Report. URL: file:///C:/Users/Alexey/Downloads/GTA24-JawJawnotWarWar.pdf (дата обращения: 18.07.2019) / compiled from data: The 24th Global Trade Alert Report. URL: file:///C:/Users/Alexey/Downloads/GTA24-JawJawnotWarWar.pdf (accessed on 18.07.2019).

принимаемые правительствами 36 стран, оказывали негативное воздействие на торговые потоки свыше 10 млрд долл. К 2013 г. 70% мирового экспорта товаров было охвачено протекционистскими мерами, которые не имели места до начала глобального финансового кризиса — к 2019 г. эта доля повысилась до 74%.

По данным неправительственной организации Global Trade Alert, анализирующей протекционистские действия под эгидой лондонского Центра исследований экономической политики (CEPR), правительствами стран Группы 20 с ноября 2008 по июнь 2019 г. было инициировано свыше 12 тысяч протекционистских мер, включая квотирование, лицензирование, увеличение импортных квот и пошлин, кредитование, субсидирование, демпинг, государственные закупки и прочие меры торговой политики (рис. 2).

Таким образом, несмотря на постоянные призывы придерживаться принципов свободной торговли, звучащие на саммитах Группы 20, фактические лидеры этих стран действуют в соответствии с прямо противоположной политикой.

Регионализм. Еще одним проявлением дезинтеграционных тенденций выступает современный регионализм, являющийся среди прочего следствием политической дезинтеграции мира по итогам двух мировых войн. Так, если в 1900 г. на политической карте мира помимо 13 империй присутствовало 55 суверенных государств, то к 2009 г. таких государств в составе ООН стало уже 192, из которых 113 ранее были частью колоний и империй, а еще 33 входили в состав других стран [14, с. 46].

Сегодня каждое из этих государств (в том числе 164 члена ВТО) является участником хотя бы одного регионального торгового соглашения (РТС), включающего соглашения о частичной либерализации торговли, о свободной торговле товарами, услугами и о таможенном союзе. Многие РТС заключаются на двустороннем уровне. Предоставляя друг другу более благоприятные условия торговли, чем другим членам ВТО, участники РТС отступают от руководящего принципа многосторонней торговой системы — отсутствие дискриминации.

С 2000 г. ВТО зарегистрировала четырехкратный рост числа РТС, которое к середине 2019 г. достигло 294, из которых 256 — это соглашения о свободной торговле различного охвата и глубины, 18 — таможенные союзы (см. таблицу). Количество «физических» РТС отличается от общего числа нотифицированных РТС в ВТО. Это связано со спецификой методологии, согласно которой соглашения об экономической интеграции (включающие торговлю услугами, инвестиции и др.) и соглашения о свободной торговле товарами считаются раздельно. Помимо этого, около 100 РТС носят плюрилатеральный характер, т.е. в качестве стороны РТС выступает более двух стран или торговых блоков. Вместе с тем, за вычетом соглашений с участием ЕС или ЕАСТ, число плюрилатеральных соглашений сократится до 30 [15, с. 209–211].

Трансрегионализм. В структуре дезинтеграционных процессов следует обратить внимание на такое относительное новое явление в мировой экономике, как трансрегионализм, выражающийся в создании

Таблица / Table

Структура РТС, нотифицированных в ВТО и вступивших в силу, по видам соглашений (на июнь 2019 г.) / Figures on Regional Trade Agreements notified to the WTO and in force (as of June 2019)

Виды РТС / Types of Agreement	Всего / Total	В % к итогу / As a percentage of the total
Таможенные союзы / Customs Unions	18	3,8
Соглашения об экономической интеграции / Economic Integration Agreements	152	32,1
Соглашения о свободной торговле / Free Trade Agreements	256	54,1
Соглашения о присоединении к существующей РТС / Regional Trade Agreements – Accession	25	5,3
Соглашения с частичным охватом / Partial Scope Agreements	22	4,7
Все соглашения / Grand Total	473	100,0

Источник / Source: составлено по данным: WTO Regional Trade Agreements Database. URL: <http://rtais.wto.org/UI/publicsummarytable.aspx> (дата обращения: 18.07.2019) / compiled from data: WTO Regional Trade Agreements Database. URL: <http://rtais.wto.org/UI/publicsummarytable.aspx> (accessed on 18.07.2019).

мегарегиональных торговых партнерств. Характерной чертой таких соглашений является участие в них стран, представляющих различные регионы и континенты. Эти соглашения выходят за регуляторные рамки ВТО и, как правило, предусматривают создание глубокой и всесторонней зоны свободной торговли, которая помимо либерализации торговли товарами и услугами может включать постепенное упразднение нетарифных ограничений, административных и прочих бюрократических барьеров, гармонизацию торговых стандартов в сферах прав интеллектуальной собственности, промышленной и инвестиционной политики, а также деятельности государственных предприятий, механизмы разрешения споров в рамках арбитражных процедур и прочее.

В настоящее время ряд таких соглашений уже вступили в силу, в частности:

- Всеобъемлющее и прогрессивное Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве с участием 11 стран (ВПССТП или ТТП-11), представляющее собой упрощенную версию Транстихоокеанского партнерства (ТТП), из которого вышли США.

- Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение ЕС — Канада. Продолжаются переговоры по подписанию Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) с участием стран АСЕАН, Китая, Японии, Индии, Южной Кореи, Новой Зеландии и Австралии.

Взаимодействие в рамках мегарегиональных партнерств обусловлено в большей степени общностью экономических интересов участвующих сторон, нали-

чием межгосударственных договоренностей, развитием новых транспортных и коммуникационных систем, нежели наличием общих границ и территориальной близостью [15, с. 417]. Однако в условиях усиления геополитической напряженности в мире трудно предсказать их будущее развитие. В 2016 г. по причине утраты актуальности были прекращены переговоры между ЕС и США по заключению Трансатлантического торгово-инвестиционного партнерства (ТТИП). Администрация Д. Трампа заняла и продолжает поддерживать крайне негативную позицию в отношении участия США в ТТП и ТТИП. Поэтому перспективы вхождения США в состав мегарегиональных партнерств в обозримом будущем остаются под вопросом.

БОРЬБА США ЗА ЕВРОПУ

Брекзит и приход в Белый дом Д. Трампа свели на нет активность США по созданию мегарегиональных зон свободной торговли и тем самым приостановили движение США в Европу (в рамках ТТИП). Однако деглобализационная риторика, исходящая из Белого дома, не должна вводить в заблуждение. У США еще сохраняются огромные преимущества и потенциал для дальнейшего продвижения англосаксонских ценностей в Европейский союз — крупнейший торговый партнер США и главный реципиент американских инвестиций.

Следует отметить, что Европа находится в очень серьезной зависимости от англосаксонских компаний, оказывающих профессиональные услуги бизнесу. Например, «большая четверка» англо-американ-

ских аудиторских фирм осуществляет финансовую проверку 95% крупнейших компаний Европы⁵. Англо-американским правом регулируются абсолютное число финансовых операций, совершаемых на европейских финансовых рынках. Более того, среди 100 крупнейших юридических компаний мира нет ни одной европейской — почти все они представлены англо-американским капиталом⁶. На три ведущие американские агентства кредитных рейтингов приходится 96%⁷ всех присваиваемых в мире (а следовательно, и в Европе) кредитных рейтингов. И, наконец, стабильный (а в некоторых случаях — возрастающий) размер относительной доли американской валюты в обслуживании различных сегментов международного финансового рынка говорит о том, что доллар не собирается уступать свои позиции евро в качестве мировой резервной валюты.

Также США обладают практически абсолютным преимуществом на европейском рынке в сфере цифровых технологий. Например, американским компаниям Microsoft, Apple, eBay, Amazon, Google, Twitter, Facebook просто не существует аналогов в Европе [16, p. 84]. Американские компании, специализирующиеся на создании и управлении социальными сетями, предлагают свои решения в денежной сфере, которые, с одной стороны, можно расценивать как элементы дезинтеграции мировой валютной системы, а с другой стороны — как ее переход на качественно иной уровень — глобальную кибернетическую финансовую систему.

Так, к примеру, компания Facebook готовится к запуску цифровой валюты Libra, доступ к пользованию которой могут получить 2,7 млрд пользователей этой социальной сети. Если каждый из подписчиков совершит внутри сети Facebook платеж на сумму 1000 долларов с использованием технологии блокчейн, то годовой оборот этой сети может составить 2,7 трлн долл., или 11% американского федерального долга⁸. При этом стоимость Libra да и весь этот оборот будут привязаны к доллару, а значит, и к американской

экономике. Следует подчеркнуть, что к доллару США привязаны другие криптовалюты, а также многие ключевые технологии цифровой экономики.

До тех пор пока США будут доминировать в цифровом пространстве, английский язык — в глобальной коммуникации, а англо-американское право — в международных сделках, позиции США даже в состоянии хаоса могут только укрепляться. Таким образом, нынешняя дезинтеграция может представлять собой переход от доминирования США в традиционной реальной экономике к доминированию в цифровой виртуальной реальности. И то, что внешне представляется как хаос и неупорядоченность, на поверку может оказаться новым экономическим порядком, но только на принципиально иной институциональной основе. Ведущую роль в нем будут играть не формальные институты, представленные межправительственными организациями, а наднациональные неформальные сетевые структуры. Они позволят американским ТНК напрямую взаимодействовать с потребителем в обход сложной системы межгосударственных правил и регулирования.

Такое предположение не лишено оснований, поскольку по числу крупнейших цифровых ТНК США опережают все остальные страны Большой семерки и Китай вместе взятые. В 2018 г. доля США в мировом ВВП, рассчитанном в рыночных ценах, составила 24,2%, что выше, чем в несколько предыдущих лет. США по-прежнему являются мировым лидером в сфере высшего образования, науки, НИОКР и инновационной экономики. Объем номинированных в долларах международных финансовых активов почти в три раза больше объема международных активов, номинированных в евро — ближайшем конкуренте доллара. США продолжают оставаться наиболее привлекательной страной для международной иммиграции и уверенно набирают вес в мире как энергетическая держава.

Защиту своих национальных интересов США осуществляют, в том числе, и за счет повышения торговых издержек стран, пользующихся их политическим, экономическим, финансовым и военным покровительством на глобальном рынке.

К примеру, государства ЕС понесли ощутимые потери в результате присоединения к американским антироссийским санкциям. Так, в период 2014–2017 гг. товарооборот Нидерландов с Россией сократился в 8,2 раза больше, чем у США с Россией, Италией — в 6,6 раза, Германии — в 5,6 раза, Польши — в 2,6 раза. В целом за период санкций на США пришлось лишь 2% уменьшения товарооборота с Россией, остальные 98% вынесли на себе другие страны-санкционеры [17, с. 53; 18, p. 14]. При этом партнеры России по БРИКС — Индия, Китай и Бразилия — также поддержали ан-

⁵ EU auditor market share: 2017 audit reports. Audit analytics. 2018. URL: <https://www.auditanalytics.com/blog/eu-auditor-market-share-2017-audit-reports/> (дата обращения: 18.07.2019).

⁶ Legal excellence internationally renowned. UK legal services 2018. TheCityUK, 2018. URL: <https://www.thecityuk.com/assets/2018/Reports-PDF/86e1b87840/Legal-excellence-internationally-renowned-UK-legal-services-2018.pdf> (accessed on 18.07.2019).

⁷ The financial crisis: unresolved. The Economist. 8th September 2018. URL: <https://www.economist.com/printedition/2018-09-08> (accessed on 18.07.2019).

⁸ Шукин О. Либрация доллара. Завтра. 26.06.2019. URL: http://zavtra.ru/blogs/libratciya_dollara (дата обращения: 18.07.2019).

тироссийские санкции, что, с одной стороны, можно рассматривать как плату за доступ стран БИК к контролируемому США глобальному рынку, а с другой — как противодействие на этом рынке российским ТНК.

ЕС сильно заинтересован в восстановлении функциональности ВТО. Европейские компании получили большие выгоды от глобализации производства. В последние два десятилетия Европа входит в число регионов, наиболее интегрированных в глобальные цепочки создания стоимости (ГЦСС), в частности по таким показателям, как содержание импортных компонентов в экспорте или доля реэкспортированных промежуточных товаров в импорте. Важность участия зоны евро в ГЦСС выше, чем для США и Японии и сопоставима с Китаем. Следовательно, несмотря на высокий уровень внутрирегиональной торговли, ЕС не сможет изолировать себя от торговых конфликтов, развивающихся в других регионах мира. Поэтому цель ЕС — реформировать ВТО таким образом, чтобы создать более гибкие рамки для переговоров, ввести новые правила, которые были бы в состоянии устранить серые зоны (промышленные субсидии, принудительную передачу технологий и прав интеллектуальной собственности), разработать новый подход для включения в принятие ключевых решений развивающихся стран и стран с низкими доходами, создать более эффективный и прозрачный механизм разрешения споров, укрепить прозрачность и функции наблюдения ВТО [19, p. 515–519].

СМЕНА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

При анализе проблем и перспектив развития мировой торговой системы в первую очередь следует учитывать перестройку мировой экономики на новый технологический уклад. Сегодня, по всей видимости, только США, Россия и КНР обладают полным научным циклом — от проведения фундаментальных исследований до внедрения прорывных разработок в производство. Именно поэтому США ведут санкционные войны против России и торговые войны против КНР в стремлении истощения ресурсов этих стран и недопущения их к занятию ведущих позиций в новых производственных цепочках.

В качестве претендента на мировое (региональное) лидерство Россия обладает целым рядом достоинств: уникальной конструкторской школой, превосходными программистами, умением осуществлять неожиданные рывки (например, в разработке передовых образцов военной техники), вооружениями, включая ядерный зонтик, способными обеспечить другим странам геополитическую защиту от США, а также огромным запасом энергоносителей, пресной воды и земель, пригодных для ведения сельскохозяйст-

венной деятельности. Вместе с тем Россия испытывает дефицит финансовых ресурсов и современной производственной базы, которыми обладает Китай. Объединение всех указанных сравнительных преимуществ России и Китая позволило бы создать мощную платформу для прорыва в лидеры нового технологического уклада⁹.

Для реализации своих конкурентных преимуществ Россия могла бы сделать акцент на приоритетном развитии ряда экспортных отраслей, например сельского хозяйства, авиационной и атомной промышленности. С учетом рассмотренных выше дезинтеграционных тенденций и трансформаций в рамках формирующегося нового технологического уклада, успешное участие России в формировании региональной торговой системы в Евразии зависит от следующих институциональных факторов:

1) активизации (ослабления) протекционистской политики США и ЕС, что будет препятствовать (способствовать) позиционированию российских ТНК на мировом рынке в целом и евразийском рынке в частности;

2) создания геополитического противовеса США путем усиления военной, политической и экономической значимости стран БРИКС на мировой арене, что позволит России заключать новые и развивать действующие соглашения об экономическом сотрудничестве и стратегические связи с другими странами;

3) разработки наднациональной политики БРИКС в сфере АПК (по примеру единой сельскохозяйственной политики ЕС) с целью обеспечения продовольственной безопасности Евразии и координации совместной деятельности государства, капитала и промышленности на евразийском экономическом пространстве в условиях дезинтеграции многосторонней торговой системы и фрагментации глобального рынка;

4) разработки и развития легализованных механизмов неценовой конкуренции в рамках ВТО за счет создания эффективных форматов сотрудничества на основе государственно-частного партнерства и оказания точечной государственной поддержки конкретным производителям агропродукции, демонстрирующих высокую производительность труда, с включением в действующую систему индикаторов эффективности реализации государственной программы поддержки АПК таких финансовых по-

⁹ Хубиев Р. Главная формула XXI века: Россия либо сверхдержава, либо ее нет. *Regnum*. 08.06.2019. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2661957.html> (дата обращения: 18.07.2019).

казателей, как инвестиционная привлекательность и инновационность производства;

5) создания совместных предприятий с основными покупателями российской хозяйственной продукции, прежде всего с Китаем и Индией, по организации глубокой локальной переработки российского агропромышленного сырья с целью более справедливого перераспределения добавленной стоимости в пользу российских агропроизводителей;

6) создания в рамках БРИКС организации, представляющей альтернативу ВТО в регулировании внутригруппового рыночного пространства, в том числе экспортные поставки трех рассматриваемых отраслей с целью снижения внутренних таможенных и прочих барьеров, препятствующих осуществлению внутригрупповой торговли;

7) использования цифровых технологий для интеграции всех участников российского АПК — государства, научно-исследовательских центров, баз данных производителей и потребителей — в единую информационную систему (например, с использованием опыта китайской компании Alibaba по созданию розничных и оптовых интернет-магазинов) с целью обеспечения быстрого и централизованного доступа к этой системе потребителей и производителей. Механизмы цифровой экономики призваны значительно повысить эффективность и инвестиционную привлекательность российского АПК;

8) создания совместно с Китаем и Индией крупной авиастроительной и авиатранспортной компании (по примеру европейского Airbus или американского Boeing) с целью обеспечения евразийского пространства собственным авиатранспортным парком, способным радикально снизить внутренние транспортные расходы и конкурировать с лидерами мировой авиакосмической промышленности. Для финансирования этого проекта необходимо использовать опыт федеральной контрактной системы США [20];

9) создания наднационального зонтичного органа в сфере развития атомной энергетики (с использованием опыта европейского Евроатома). Учреждение такой организации позволит преодолеть ограничения участия стран БРИКС в цепочках создания добавленной стоимости в сфере атомной энергетики, обусловленные вопросами национальной безопасности. Подобная зонтичная организация могла бы способствовать объединению усилий стран БРИКС в направлении обеспечения евразийских проектов, в том числе в сфере АПК и авиационной промышленности, относительно дешевым, мощным и бесперебойным источником экологически чистой

энергии. Россия в лице государственной корпорации «Росатом» обладает сравнительными преимуществами в мировой атомной энергетике, опережая другие страны мира по числу атомных энергоблоков, сооружаемых за рубежом. Россия также обладает первоклассными и конкурентными технологиями в сфере мирного атома и при активизации инновационных исследований и разработок может обеспечить безопасную работу АЭС в любых климатических и природных условиях. Синергетический эффект сотрудничества в сфере атомной промышленности может быть достигнут за счет ее тесной взаимосвязи с аэрокосмической, военной и нефтегазовой промышленностью. Таким образом, взаимодействие в сфере атомной промышленности может решить массу проблем и послужить побудительным мотивом к активизации сотрудничества на политическом уровне группы стран БРИКС, которое до сих пор имело слабо выраженный и в большей степени формальный характер;

10) создания собственной расчетно-платежной системы на базе валют стран БРИКС (а также других ключевых валют Евразии — японской иены, южнокорейской воны, сингапурского доллара), которая позволила бы осуществлять контроль над валютными потоками и выйти из-под зависимости от основанной на долларе США и евро системы SWIFT.

В рамках планирования долгосрочного сотрудничества стран БРИКС необходимо осознание важности создания наднациональных институтов, а не ограничения интеграции зонами свободной торговли. Последние ставят в привилегированное положение более развитую экономику (в данном случае Китай), а это будет означать воспроизводство торговых дисбалансов на региональном уровне.

Для реализации своего потенциала в условиях нарастающей кризисогенности мировых экономических процессов России вместе с другими участниками БРИКС необходимо серьезно озаботиться развитием гибридной модели социально-экономического развития, представляющей собой качественную альтернативу рыночному фундаментализму.

Предпосылкой для создания такой альтернативы выступает нынешняя смена мирохозяйственного уклада, связанная с тем, что Американский вековой цикл накопления, основанный на финансовой экспансии, исчерпал возможности экономического развития, что подтверждается длительной стагнацией уровня жизни в США, банкротством крупных промышленных городов и обсуждением некоторыми штатами возможностей формирования независимых от ФРС США золотовалютных резервов и введения собственной валюты [21, с. 66].

Господствующая в мире неолиберальная модель может уступить место новому интегральному строю, на протяжении длительного времени практикуемого в азиатских странах (Китае, Индии, Японии, Сингапуре, Южной Корее). Гибридный строй отличается от действующей неолиберальной доктрины рядом характеристик: сочетанием государственной и частной собственности, централизованного планирования и рыночной самоорганизации, контроля общенациональных интересов и частной инициативы. Принципиально иным в этой модели является отношение к деньгам: неограниченное кредитование на базе фиатных денег заменяется денежной эмиссией под инвестиционные планы экономических агентов в соответствии с централизованно устанавливаемыми приоритетами [21, с. 22–24].

ВЫВОДЫ

После перенесения производств американских ТНК в регионы с пониженными социальными, экологическими и налоговыми стандартами США утратили преимущества во внешней торговле. Одновременно активное подписание соглашений о свободной торговле ведущими экономиками Азии сужает рыночное пространство для проникновения американских капиталов. С приходом в Белый дом Д. Трампа провалилась попытка США объединить многочисленные РТС под зонтиком мегарегиональных партнерств — ТТП и ТТИП. Тем не менее Китай и Япония продолжают работу в направлении консолидации РТС, продвигая собственные версии мегарегиональных партнерств — ВРЭП и ВПСТТП. Для создания барьеров в доступе стран Евразии на глобальный рынок США выступают основным рупором политики протекционизма и изоляционизма.

Созданные по инициативе и при поддержке США многосторонние межправительственные институты (МВФ, Всемирный банк, ВТО) с их жесткими правилами, негибкими и ограниченными системами регули-

рования служат препятствием для полноценной глобализации рынков. В условиях транснационализации и автоматизации производства эти институты более не способны защитить США от «несправедливой» конкуренции со стороны развивающихся стран, в первую очередь Китая. Поэтому США всячески препятствуют деятельности этих институтов (например, через затягивание ратификации реформы квот и голосов МВФ или блокирование назначения новых арбитров в апелляционный орган ВТО).

Китай получил первенство по целому ряду мировых показателей — ВВП (рассчитанному по паритету покупательной способности), размеру экспорта, денежной массы (в долларовом эквиваленте). Однако Китай по-прежнему в значительной мере остается «копировальным цехом» западных производств и отстает от Запада и ряда других стран Азии в разработке передовых технологий. Для осуществления прорыва в новый технологический уклад Китаю необходимо налаживать более тесное сотрудничество с Россией. Формированию двусторонних доверительных отношений может способствовать более активное включение России и КНР в разработку и глобальное продвижение концептуальной альтернативы неолиберализму с целью разрешения проблем асимметричного развития в мире в целом и в Евразии в частности.

Несмотря на очевидные экономические успехи Китая, в обозримом будущем не предвидится смены глобального лидерства, поскольку в распоряжении США находится значительное количество эффективных институциональных рычагов и механизмов влияния на мировую экономику, альтернативу которым еще только предстоит создать в Евразии. Как учит опыт — это процесс долговременный. Поэтому на нынешнем этапе интеграции в мировую экономику России и странам БРИКС необходимо сосредоточиться на разработке эффективной стратегии регионального сотрудничества с акцентом на создание и развитие в Евразии паназиатских наднациональных институтов.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета на 2019 г. по теме «Механизмы создания в базовых отраслях экономики Российской Федерации высокопроизводительного экспортно ориентированного сектора в рамках глобальных дезинтеграционных и евразийских интеграционных процессов». Финансовый университет, Москва, Россия.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was written based on the results of the research carried out at the expense of budget funds, which were provided to the Financial University as part of the state contract in 2019 on the topic “Mechanisms for the creation in the basic sectors of the economy of the Russian Federation of a highly productive export-oriented sector within the framework of global disintegration and Eurasian integration processes”. Financial University, Moscow, Russia.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хаас Р. Мировой беспорядок. Пер. с англ. М.: Изд-во АСТ; 2019. 320 с.
2. Загашвили В. С. Застой в ВТО как проявление кризиса глобализации. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019;63(6):5–12. DOI: 10.20542/0131–2227–2019–63–6–5–12
3. Stiglitz J. E. Trump and globalization. *Journal of Policy Modeling*. 2018;40(3):515–528. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2018.03.006
4. Patomäki H. Democratising globalisation: The leverage of the Tobin tax. London: Zed Books Ltd.; 2001. 259 p.
5. Eichengreen B. J. Global imbalances and the lessons of Bretton Woods. Cambridge, MA: The MIT Press; 2006. 200 p.
6. Stiglitz J. E. The price of inequality: How today's divided society endangers our future. New York, NY: W.W. Norton & Co.; 2012. 448 p.
7. Mundell R. The shift from G7 to G20 increased swings in major exchange rates and worsened their options. *Journal of Policy Modeling*. 2013;35(3):412–415. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2013.03.002
8. Темин П., Вайнс Д. Экономика без лидера. Почему рассыпалась мировая экономическая система и как ее собрать. Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара; 2015. 464 с.
9. Urry J. Offshoring. Malden, MA: Polity Press; 2014. 222 p.
10. Гилман М. Различия экономических результатов и изменения альянсов в деглобализирующемся мире. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2018;13(2):7–16. DOI: 10.17323/1996–7845–2018–02–01
11. Юйцай Ц., Гупин Ч., Вэйдун Л. Один пояс и один путь: комментарии. Пер. с кит. М.: Шанс; 2017. 279 с.
12. Новиков Д. П. Большое евразийское партнерство: возможное региональное влияние и интересы России. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2018;13(3):82–96. DOI: 10.17323/1996–7845–2018–03–05
13. Garred J. The persistence of trade policy in China after WTO accession. *Journal of International Economics*. 2018;114:130–142. DOI: 10.1016/j.jinteco.2018.06.001
14. Кинг С. Д. Запад теряет контроль. Три модели финансового будущего мира. Пер. с англ. М.: Карьера Пресс; 2015. 336 с.
15. Перспективы экономической глобализации. Булатов А. С., ред. М.: КНОРУС; 2019. 666 с.
16. Charter D. Europe: In or out? Everything you need to know. London: Biteback Publishing; 2016. 288 p.
17. Казанцев С. В. Антироссийские санкции: ущерб объявившим их странам. *Мир новой экономики*. 2019;13(2):43–54. DOI: 10.26794/2220–6469–2019–13–2–43–54
18. Казанцев С. В. Количественная оценка влияния антироссийских санкций на внешнюю торговлю стран-санкционеров. *Финансы: теория и практика*. 2019;23(3):6–15. DOI: 10.26794/2587–5671–2019–23–3–6–15
19. Bertoldi M. The European Union in the crisis of the postwar economic order. *Journal of Policy Modeling*. 2019;41(3):507–521. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2019.03.017
20. Федорович В. А., Муравник В. Б., Бочкарев О. И. США: военная экономика (организация и управление). М.: Международные отношения; 2013. 616 с.
21. Глазьев С. Ю. Битва за лидерство в XXI веке. Россия–США–Китай. Семь вариантов обозримого будущего. М.: Книжный мир; 2017. 352 с.

REFERENCES

1. Haass R. A world in disarray: American foreign policy and the crisis of the old order. Transl. from Eng. Moscow: AST Publ.; 2019. 320 p. (In Russ.).
2. Zagashvili V. S. WTO crisis as a manifestation of globalization crisis. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*. 2019;63(6):5–12. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131–2227–2019–63–6–5–12
3. Stiglitz J. E. Trump and globalization. *Journal of Policy Modeling*. 2018;40(3):515–528. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2018.03.006
4. Patomäki H. Democratising globalisation: The leverage of the Tobin tax. London: Zed Books Ltd.; 2001. 259 p.

5. Eichengreen B.J. Global imbalances and the lessons of Bretton Woods. Cambridge, MA: The MIT Press; 2006. 200 p.
6. Stiglitz J.E. The price of inequality: How today's divided society endangers our future. New York, NY: W.W. Norton & Co.; 2012. 448 p.
7. Mundell R. The shift from G7 to G20 increased swings in major exchange rates and worsened their options. *Journal of Policy Modeling*. 2013;35(3):412–415. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2013.03.002
8. Temin P., Vines D. The leaderless economy. Why the world economic system fell apart and how to fix it. Transl. from Eng. Moscow: Gaidar Institute Publ.; 2015. 464 p. (In Russ.).
9. Urry J. Offshoring. Malden, MA: Polity Press; 2014. 222 p.
10. Gilman M. Divergent performance and shifting alliances in a deglobalizing world. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika = International Organizations Research Journal*. 2018;13(2):7–15. (In Russ. and Eng.). DOI: 10.17323/1996–7845–2018–02–01
11. Yuitsai Ts., Gupin Ch., Veidun L. One belt and one road: Comments. Transl. from Chin. Moscow: Shans; 2017. 279 p. (In Russ.).
12. Novikov D. Development of multilateral economic institutions in Greater Eurasia: Problems, prospects and implications for Russia. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika = International Organizations Research Journal*. 2018;13(3):82–96. (In Russ. and Eng.). DOI: 10.17323/1996–7845–2018–03–05
13. Garred J. The persistence of trade policy in China after WTO accession. *Journal of International Economics*. 2018;114:130–142. DOI: 10.1016/j.jinteco.2018.06.001
14. King S.D. Losing control: The emerging threats to Western prosperity. Transl. from Eng. New Haven, London: Yale University Press; 2015. 336 p. (In Russ.).
15. Bulatov A.S., ed. Prospects for economic globalization. Moscow: KNORUS Publ.; 2019. 666 p. (In Russ.).
16. Charter D. Europe: In or out? Everything you need to know. London: Biteback Publishing; 2016. 288 p.
17. Kazantsev S.V. Anti-Russian sanctions: Damage to the countries that declared them. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2019;13(2):43–54. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220–6469–2019–13–2–43–54
18. Kazantsev S.V. Evaluation of the sanctions impact on sanctioning countries' trade with Russia. Finance: Theory and Practice. 2019;23(3):6–15. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587–5671–2019–23–3–6–15
19. Bertoldi M. The European Union in the crisis of the postwar economic order. *Journal of Policy Modeling*. 2019;41(3):507–521. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2019.03.017
20. Fedorovich V.A., Muravnik V.B., Bochkarev O.I. USA: Military economy (organization and management). Moscow: International Relations Publ.; 2013. 616 p. (In Russ.).
21. Glaz'ev S. Yu. The battle for leadership in the 21st century. Russia-USA-China. Seven choices for the foreseeable future. Moscow: Knizhnyi mir Publ.; 2017. 352 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Алексей Владимирович Кузнецов — доктор экономических наук, старший научный сотрудник, профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет, Москва, Россия

Aleksei V. Kuznetsov — Dr. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Department of world economy and world finance, Financial University, Moscow, Russia
kuznetsov0572@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 23.07.2019; после рецензирования: 07.08.2019; принята к публикации 20.08.2019. Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 23.07.2019; revised on 07.08.2019 and accepted for publication on 20.08.2019. The author read and approved the final version of the manuscript.